

2968

Н. ЛАВРОВСКІЙ.

КИРИЛЪ И МЕТОДІЙ

И НАЧАЛО

ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ.

(Изъ „Методіевскаго Юбилейнаго Сборника“).

ВАРШАВА.

1895.

№ 221
1899.

134-171

30

2968

Н. ЛАВРОВСКІЙ.

КИРИЛЪ И МЕТОДІЙ

И НАЧАЛО

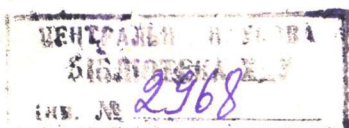
ХРИСТИАНСТВА ВЪ РОССІИ.

(Изъ „Методіевскаго Юбилейнаго Сборника“).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ

БИБЛИОТЕКА

№ 12480

45

2968
1917/34 р.

ВАРШАВА.

1895.

87299

58

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго
Университета.

3 Апрѣля 1885 года.

Ректоръ *Н. Лавровскій.*

ЦНБ ХНУ ім. В.Н. Каразіна
2010 р.

КИРИЛЛЪ И МЕТОДІЙ

И НАЧАЛО ХРИСТИАНСТВА ВЪ РОССИИ.

Съ введеніемъ христіанства, въ жизни каждаго народа совершается великій переворотъ. Народная жизнь, во всѣхъ ея отправленіяхъ, вступаетъ въ новые пути, направляющіе ее къ новымъ цѣлямъ. Христіанство открываетъ предъ грубой языческой средой такой необъятный горизонтъ, вноситъ столько свѣта въ этотъ горизонтъ, что взглядъ язычника, привыкшаго къ своимъ ограниченнымъ представленіямъ, къ мраку своей среды, долго оказывается неспособнымъ выносить этотъ невѣдомый ему свѣтъ, какъ не можетъ выносить зрѣніе человѣка солнечнаго блеска. Почти двѣ тысячи лѣтъ пережили великіе евангельскіе идеалы—и кто можетъ сказать, что они осуществлены имъ въ жизни. Проходятъ вѣка, въ которые народъ постепенно осваивается съ новымъ ученіемъ, при чемъ долго довольствуется усвоеніемъ только виѣшней его стороны, между тѣмъ какъ старыя вѣрованія, дорогія народу, долго сохраняются неприкосновенно, пока наконецъ, послѣ упорной и продолжительной борьбы, не вытѣсняются новыми, или пока тѣ и другія не сливаются въ новыя своеобразныя религіозныя представленія. Прошло девять сотъ лѣтъ послѣ утвержденія у насъ христіанства—и мы не можемъ сказать, что нашъ народъ вполне освободился отъ своихъ старыхъ языческихъ вѣрованій. Иное дѣло—отдѣльныя лица тогоже народа, въ началѣ всегда немногія, или поставленныя въ особыя благопріятныя условія, или богато одаренныя: они скорѣе оказываются готовыми и способными къ принятію, усвоенію и распространенію новыхъ началъ

въ своей средѣ. Такъ было вездѣ съ введеніемъ христіанства, такъ было и у насъ.

Крещеніе Руси, по волѣ равноапостольнаго князя Владиміра, совершилось въ самомъ концѣ X вѣка, и съ этого времени обыкновенно полагается начало нашему христіанскому просвѣщенію, хотя сохранились несомнѣнные историческія свидѣтельства, доказывающія распространеніе христіанства между русскими славянами, и въ весьма значительной степени, задолго до Владиміра. Всенародный актъ крещенія Руси заслонилъ собою долгій предшествовавшій процессъ медленнаго и постепеннаго распространенія христіанства.

Въ представленіяхъ первоначальнаго лѣтописца, который, какъ и его современники, ведетъ начало нашего христіанства отъ Владиміра, быстрота распространенія христіанскаго просвѣщенія опредѣляется тремя поколѣніями—Владиміра, насадившаго христіанство, Ярослава, засѣявшаго русскую землю книжными словесами, и современнаго ему, которое оказывается не только наслаждающимся книжною мудростію, но и способнымъ къ собственной книжной производительности. „Якоже бо се нѣкто землю разоретъ, другой же насѣетъ, ини же пожинають и ядятъ пищу бескудную: тако и съ. отецъ бо сего Володимерь взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ; съ. же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, ученіе пріемлюще книжное“. А слѣдующею за тѣмъ восторженною похвалою книжному ученію онъ доказываетъ, какъ глубоко успѣла укорениться любовь къ нему въ лучшихъ русскихъ людяхъ, и объясняетъ необъяснимое съ перваго взгляда явленіе—быстрый расцвѣтъ нашей литературной производительности: „велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго... мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ, се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости“ и т. д. Кто успѣлъ воспитать въ себѣ такую любовь къ книжному ученію и возвыситься до такой восторженной его оцѣнки, для того оно уже стало непреодолимою потребностію и должно было неизбежно вести къ собственнымъ опытамъ насажденія христіанскаго просвѣщенія.

Что это были за книги, эти исходяща мудрости, которыя такъ рано успѣли привлечь къ себѣ лучшихъ людей нашей ново-крещенной Руси?

Это были прежде всего плоды апостольской дѣятельности незабвенныхъ славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, память которыхъ мы собрались здѣсь праздновать, а за тѣмъ его учениковъ и ихъ преемниковъ. Отъ нихъ ведетъ свое начало не только наше первоначальное книжное ученіе, наши собственныя опыты въ томъ же книжномъ ученіи, наша образованность, ея направленіе и характеръ, наше положеніе въ семьѣ христіанскихъ народовъ, какъ народа культурнаго и историческаго, наше историческое призваніе, но они же, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, служили неразрывною связью, источникомъ единомыслія и братственнаго единенія между всѣми православными славянами. Сложивъ нашу азбуку, устроивъ нашъ величественный языкъ, совершивъ великое дѣло перевода на этотъ языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, положивъ начало переводу книгъ учительныхъ отцовъ церкви, установивъ богослуженіе на этомъ языкѣ, всѣмъ понятное, всѣмъ доступное, всѣмъ родное, они образовали тотъ союзъ православныхъ славянъ, который пережилъ тысячелѣтіе, перенесъ тяжкія историческія невзгоды и который, Богъ дастъ, переживетъ много грядущихъ вѣковъ, если останется неизмѣнно вѣрнымъ принятому имъ отъ святыхъ братьевъ наслѣдію.

Слѣдовавшіе за тѣмъ въ Болгаріи, въ эпоху царя Симеона, многочисленныя труды учениковъ Кирилла и Меѳодія и ихъ преемниковъ скоро переходили къ намъ и умножали наше книжное богатство. То были сочиненія содержанія *догматическаго*, какъ начертаніе православной вѣры Іоанна Дамаскина, заключающее въ себѣ полное и систематическое православное вѣроученіе, *истолковательнаго*, какъ Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, толкованія на ветхозавѣтныя и новозавѣтныя книги, *правоучительнаго*, какъ отвѣты Анастасія Синаита, Лѣствица и особенно обширное собраніе поученій отцевъ церкви—Григорія Богослова, Іоанна Злотоуста, Ефрема Сирина и др. и наконецъ *историческаго*, какъ житія святыхъ, палей, хроно-

графы. Если не всё отдѣлы въ одинаковой степени, то преимущественно два послѣдніе, какъ наиболѣе доступные, были предметомъ постоянного чтенія, изученія и подражанія, что доказывается собственными опытами, въ отдѣльныхъ явленіяхъ, едва ли не превосходившими современные подлинники.

Такой обширный образовательный матеріалъ, явившійся къ намъ въ слѣдъ за введеніемъ христіанства въ готовыхъ переводахъ, благодаря вдохновенному почину нашихъ первоучителей, долженъ былъ производить могущественное дѣйствіе на лучшихъ русскихъ людей, сильныхъ природнымъ умомъ и волей и притомъ исполненныхъ живой христіанской вѣрой и глубокимъ христіанскимъ чувствомъ. Этимъ дѣйствіемъ должно прежде всего объяснять быстроту развитія у насъ христіанскаго просвѣщенія, выразившагося спустя съ небольшимъ полъ-вѣка въ блестящемъ словѣ „о законѣ и благодати“ перваго русскаго митрополита Иларіона. Заглавія приведенныхъ трудовъ, конечно, ничего не доказываютъ и необходимо основательное знакомство съ ихъ содержаніемъ, чтобы по достоинству оцѣнить всю силу ихъ образовательнаго вліянія. Должно замѣтить, что они заключаютъ въ себѣ все лучшее, что представляла тогда современная византійская христіанская литература. Какое воодушевленіе, какую силу христіанскаго чувства должно было возбуждать въ новыхъ людяхъ чтеніе поученій великихъ проповѣдниковъ золотого періода византійской образованности, до сихъ поръ, спустя почти полторы тысячи лѣтъ, остающихся образцами краснорѣчія! Нельзя также не замѣтить, что современная эпохъ крещенія Руси и послѣдующая византійская литература, находившаяся въ сильномъ упадкѣ и сама пробавлявшаяся произведеніями лучшей поры, не могла имѣть значительнаго вліянія на новокрещенныхъ людей: ея утонченная богословская діалектика, искусственныя философскія умозрѣнія и декламація не могли привлекать ихъ, да и не были доступны ихъ простому здравому смыслу. Усвоивая себѣ готовыя литературныя формы, они влагали въ нихъ свое живое содержаніе, какъ послѣ мы начали влагать свое содержаніе въ заимствованныя западно-европейскія литературныя формы.

И однако эта быстрота нашего книжнаго развитія возбуждала и до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать недоумѣнія. Не говоря о нашемъ старомъ историческомъ и литературномъ скептицизмѣ, недоумѣнія предъявляются и при настоящемъ состояніи науки, вооруженной весьма сильными средствами для открытія истины. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, отнесшійся весьма строго ко многимъ, казалось, довольно прочно установившимся у насъ историческимъ представленіямъ, допустившій для всей домонгольской Руси, и то съ оговорками, оди грамотность, останавливается съ большимъ недоумѣніемъ предъ нѣкоторыми литературными явленіями этого времени, не смотря на признаніе христіанства у насъ задолго до Владиміра. Явленія эти, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ времени, объясняются какъ исключенія: слово Иларіона, „самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, есть исключительное и загадочное явленіе; Θεодосій былъ человѣкомъ исключительнымъ и, какъ всѣ исключительные люди, болѣе или менѣе своеобразнымъ; Кириллъ Туровскій, надѣленный талантомъ ораторскимъ, принадлежалъ также къ исключительнымъ людямъ и „долженъ быть разсматриваемъ, судимъ и цѣнимъ не по сравненію съ своими русскими современниками, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго, а какъ настоящій, получившій настоящее ораторское образованіе, проповѣдникъ, какъ исключительный и случайный представитель въ нашей средѣ настоящаго, греческаго ораторства“; Слово о полку Игоревѣ, которое недавно другой авторъ назвалъ сфинксомъ, ожидающимъ своего Эдипа, должно оказаться такимъ же необъяснимымъ явленіемъ. Въ виду всѣхъ этихъ исключеній авторъ долженъ былъ сознаться, что „въ случаѣ если не допустимъ кратковременный эпизодъ существованія у насъ просвѣщенія, мы останемся въ совершенномъ и рѣшительномъ недоумѣніи“, и, для разрѣшенія послѣдняго, допускаетъ попытки Владиміра и Ярослава ввести у насъ просвѣщеніе, но только для боярскихъ и собственныхъ дѣтей. Тѣмъ все и окончилось, послѣ нихъ о просвѣщеніи нѣтъ и помину, начинается царство одной грамотности, и то съ сомнитель-

нымъ разумѣніемъ читаемаго (Ист. русск. церкви. Голубинскаго I, 580 и слѣд.).

Должно полагать, что тамъ, гдѣ оказывается такъ много исключеній и загадочныхъ явленій, дѣло не обстоитъ вполнѣ благополучно, какъ въ старыхъ грамматикахъ, испещренныхъ исключеніями. Какъ послѣднія исчезаютъ безслѣдно при первомъ обращеніи къ нимъ строго-научнаго метода, такъ и этимъ многочисленнымъ исключеніямъ едва ли не суждена та же участь. Загадочныя явленія въ исторіи являются или отъ недостатка матеріала, или отъ неправильнаго обращенія съ нимъ, отъ предвзятой теоріи; но въ жизни народа все совершается по необходимымъ законамъ, естественно и органически. Задача историка—изучить историческій матеріалъ и, на основаніи его, уразумѣть и представить, а при недостаткѣ матеріала—прозрѣть развитымъ на историческомъ анализѣ смысломъ эту естественно и законно движущуюся жизнь народа.

Вопросъ слѣдовательно въ томъ: возможна ли, естественна ли та быстрота нашего умственнаго и нравственнаго развитія, какую необходимо допустить въ краткій періодъ времени отъ крещенія Руси до первыхъ опытовъ нашей самостоятельной литературной производительности для правильной оцѣнки послѣднихъ, при упомянутыхъ образовательныхъ средствахъ; другими словами: возможно ли, при такихъ условіяхъ, органическое происхожденіе такихъ памятниковъ, какъ Слово Иларіона, проповѣди Кирилла, слово о полку Игоревѣ? Дѣло не въ числѣ памятниковъ: одинъ такой памятникъ достаточно освѣщаетъ среду, изъ которой онъ исходитъ.

Столь краткаго періода времени, какой-нибудь полсотни лѣтъ дѣйствительно не достаточно для объясненія естественности происхожденія Слова Иларіона, какъ бы мы ни представляли себѣ нашихъ новыхъ христіанъ алчущими и жаждущими христіанскаго просвѣщенія. Слово объяснимо единственно при предположеніи для его автора особой, исключительной, для него лично устроенной образовательной среды, какъ скоро мы будемъ представлять себѣ русскихъ славянъ до Владиміра чуть не въ патріархальномъ состояніи, жившими чуть не звѣринскимъ

обычаемъ, по характеристикѣ лѣтописи, относящейся, очевидно, къ весьма отдаленному отъ нея составленія времени. Вѣдь „и люди съ исключительными натурами, по справедливому замѣчанію того же автора, рвутся къ просвѣщенію, когда видятъ его предъ собой или когда слышать о немъ“. Такой исключительной среды, такихъ исключительныхъ образовательныхъ условій въ первой половинѣ XI вѣка у насъ быть не могло; ихъ не могла тотчасъ создать и та школа, о которой говоритъ лѣтопись и которую авторъ исторіи русской церкви разумѣтъ устроенною для боярскихъ и княжескихъ дѣтей, съ учителями — греками. Прожили мы послѣ крещенія Руси, конечно не даромъ, семь вѣковъ, когда распахнулись настежь двери на западъ, жили не звѣринскимъ обычаемъ, успѣли значительно вкусить отъ западно-европейскаго просвѣщенія и образовательныя мѣры приняты были по истинѣ героическія — и то прошло болѣе полу-вѣка, когда появились слабые, рабски-подражательные опыты собственной литературной производительности. Обычнымъ же путемъ, отъ цифирныхъ и другихъ школъ, мы еще долго не получили бы того, что скоро дали намъ героическія средства. Образование народа, даже въ передовомъ его сословіи, совершается крайне медленно, зрѣетъ въ рядѣ поколѣній, а потому и плодовъ его обыкновенно приходится ждать слишкомъ долго.

Едва ли можно сомнѣваться, что всѣ недоумѣнія главнѣйше происходятъ отъ неточныхъ представленій о состояніи русскихъ славянъ до ихъ крещенія Владиміромъ, что это состояніе вовсе не было такъ первобытно, что они задолго до Владиміра стали пріобщаться христіанству и его просвѣщенію и что слѣдовательно начавшіе появляться съ половины XI вѣка самостоятельные литературные опыты, такъ удивляющіе насъ теперь, имѣли передъ собой гораздо болѣе продолжительную школу и могли развиваться естественно и органически. Уясненіе этихъ представленій, уясненіе размѣровъ нашего христіанства до Владиміра, безспорно составляетъ весьма важную заслугу автора новѣйшей исторіи русской церкви.

Вопросъ о христіанствѣ у насъ до Владиміра возникъ довольно давно, но стоялъ какъ-то отдѣльно, не привлекался

съ желательною обстоятельною къ историческимъ соображеніямъ о состояніи нашей образованности до Владиміра. Почти сорокъ лѣтъ тому назадъ ему посвящено было, какъ введеніе въ исторію русской церкви, особое сочиненіе *). Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ неоднократно былъ затрогиваемъ въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и въ настоящее время относящіяся сюда свѣдѣнія, должно сказать, отличаются и большею опредѣлительностію и большею научною точностію, хотя, по многимъ причинамъ и особенно по неустановившимся нашимъ общимъ представленіямъ о самомъ началѣ Руси, все еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія.

Здѣсь не мѣсто для опыта рѣшенія столь сложной исторической задачи. Я желалъ бы только въ самыхъ общихъ чертахъ обратить вниманіе на пути, по которымъ христіанство могло проникать къ намъ до общаго крещенія Руси, и на возможность вопроса: не могли ли мы хотя отчасти придти въ непосредственное общеніе съ апостольскою дѣятельностію чествуемыхъ нами славянскихъ первоучителей, пріобщиться къ ихъ апостольскимъ трудамъ во время ихъ совершенія и въ слѣдъ за нимъ. Если и нельзя ждать рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, при недостаткѣ наличныхъ средствъ для его рѣшенія, то не лишено значенія и указаніе на возможность самаго вопроса.

Половина IX вѣка составляетъ эпоху въ жизни славянъ: начало государственнаго объединенія Руси и другихъ славянъ, начало утвержденія между ними христіанства съ совершившимся или завершившимся въ тоже время переводомъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на родной языкъ и съ богослуженіемъ на томъ же языкѣ, начало отдѣленія восточной церкви отъ западной—все это событія, имѣвшія великое значеніе для всѣхъ славянъ, для всего ихъ послѣдующаго историческаго развитія. Великія событія не совершаются внезапно, имъ обыкновенно предшествуетъ долгій и сложный подготовительный историческій процессъ и они сами являются только окончательнымъ

*) Исторія Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1846.

выраженіемъ послѣдняго. Цѣлыя вѣка слагались черты, постепенно обособлявшія церкви христіанскія на востокъ и западъ, пока наконецъ раздѣленіе ихъ не стало историческою необходимостію, при чемъ современные императоры, патріархи и папы были только завершителями предшествовавшаго процесса. То же было и съ утвержденіемъ христіанства между славянами, въ томъ числѣ русскими, и переводомъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. При этомъ съ неизмѣнною послѣдовательностію повторяется общій историческій законъ, по которому новое содержаніе, входящее въ жизнь народа, въ началѣ воспринимается его представителями, какъ наиболѣе развитыми, его передовымъ сословіемъ, и только постепенно и весьма медленно, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, проникаетъ въ глубь народной жизни.

Не касаясь подробностей утвержденія христіанства въ западномъ славянствѣ, я позволю себѣ обратить вниманіе въ немногихъ словахъ на русскихъ славянъ, съ краткимъ указаніемъ на Болгарію, передавшую намъ первые плоды своего христіанскаго просвѣщенія.

Въ Болгаріи, крестившейся по волѣ князя Бориса въ половинѣ IX вѣка, какъ и у насъ, необъяснима быстрота развитія христіанскаго просвѣщенія, выразившагося спустя не болѣе полувѣка, при царѣ Симеонѣ, многочисленными и весьма цѣнными памятниками. Для объясненія этой быстроты, и здѣсь необходимо признать за долго до Бориса распространеніе христіанства между задунайскими славянами. Ближайшее сосѣдство и непрерывныя сношенія съ греками въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, служба въ греческомъ войскѣ, множество плѣнныхъ христіанъ, грековъ и славянъ, все это не могло не содѣйствовать постепенному распространенію христіанства между славянами едва ли не со времени переселенія ихъ за Дунай. При императорѣ Юстиніанѣ II (685—711) въ войскахъ имперіи было болѣе тридцати тысячъ славянъ. Въ началѣ IX вѣка болгарскій князь Крумъ уводилъ въ плѣнъ всѣхъ жителей завоеванныхъ странъ и, въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ своего правленія, переселилъ ихъ такое множество, что долженъ былъ переполнить ими всю Болгарію; наибольшая ихъ часть была изъ сельскаго

населенія сѣверной Тѳракіи, славянъ-христіанъ; между плѣнниками извѣстны и два епископа. Христіанство распространилось въ Болгаріи такъ широко, что преемникъ Крума, Мортатонъ, возбудилъ сильное гоненіе на христіанъ и, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, предалъ смерти Адрианопольскаго епископа и иныхъ многихъ, обвиненныхъ въ проповѣди христіанства. Есть свидѣтельство, что христіанство проникло и въ семейство самого князя болгарскаго *). Непрерывныя торговыя сношенія болгаръ съ греками ведутъ свое начало съ весьма давняго времени и сопровождались даже письменными договорами, весьма сходными по содержанію съ извѣстными договорами русскихъ съ греками. Первый торговый договоръ, о которомъ дошло до насъ извѣстіе, заключенъ былъ въ 714 или 715 году и былъ несомнѣнно письменный, такъ какъ, спустя около ста лѣтъ, Крумъ въ угрожающемъ письмѣ византійскому императору Михаилу требовалъ мира не иначе, какъ на основаніи этого договора, а о другомъ договорѣ 774 года прямо сообщается, что онъ былъ письменный **). Всѣ эти и другія свидѣтельства доказываютъ, что христіанство а съ нимъ христіанское просвѣщеніе и сопровождающая его письменность начали распространяться въ Болгаріи за нѣсколько вѣковъ до Бориса. Крещеніе послѣдняго означало только окончательное утвержденіе христіанства, признаніе его господствующею и обязательною религіею. Иначе и быть не могло: пятисотлѣтнее сосѣдство болгаръ съ греками не могло пройти безслѣдно.

Тоже было и у насъ. Несомнѣнныя историческія свидѣтельства о распространеніи христіанства между русскими славянами идутъ отъ половины тогоже знаменательнаго для всего славянства IX вѣка, отъ извѣстнаго нападенія руссовъ на Константинополь, окончившагося ихъ крещеніемъ. Что это крещеніе относится къ азовско-черноморскимъ руссамъ, облежав-

*) Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей болгарской, сербской и румынской. Е. Голубинскаго. М. 1871. стр. 18—22. Разысканія о началѣ Руси Иловайскаго, М. 1882. стр. 224.

**) Разыск. стр. 203.

шимъ сѣверное побережье обоихъ морей, распространившимся далеко на сѣверъ и находившимся въ связи съ придиѣпровскою русью, въ томъ сомнѣваться нельзя. Сношенія этихъ руссовъ, а занимали и придиѣпровскихъ, мирныя и враждебныя, ведутъ свое начало отъ далекой древности, непрерывались никогда и и неизбѣжно должны были вести къ постепенному водворенію между ними христіанства, тѣмъ болѣе, что по сосѣдству съ ними, и въ Крыму и по обоимъ берегамъ Дуная у его устьевъ, уже существовали христіанскія церкви съ своими епископами почти съ начала христіанской эры и особенно съ III—IV вв. *). Не говоря о службѣ русскихъ въ войскахъ имперіи и при дворѣ, о греческихъ и славянскихъ плѣнникахъ — христіанахъ, выводимыхъ въ Русь, замѣтимъ, что и наши торговые сношенія съ греками гораздо древнѣе сохранившихся о нихъ историческихъ свидѣтельствъ и что наши договоры X вѣка, безъ сомнѣнія, имѣли своихъ предшественниковъ, какъ и болгарскіе договоры VIII вѣка. Припомнимъ, что первый договоръ (912 г.) былъ заключенъ „на удержаніе и на извѣщеніе *отъ многихъ лѣтъ* межю христіаны и русью *бывшую любовь*“. Все содержаніе этого договора несомнѣнно свидѣлствуетъ о давно и прочно установившихся торговыхъ сношеніяхъ: въ немъ говорится о хожденіи „въ греки или съ куплею или въ солбу“, какъ о дѣлѣ обыкновенномъ, постоянномъ и непрерывномъ, о полоняникахъ, купленныхъ и захваченныхъ на рати, о приходящихъ на службу къ царю и проч.. Но въ Олеговомъ договорѣ еще не упоминается о христіанской руси, между тѣмъ какъ въ Игоревомъ, заключенномъ спустя 42 года послѣ перваго, крещеная русь признается не только особою, вполне официально признанною, равною съ языческою стороною, но и нравственно преобладающею. Во всемъ договорѣ русскіе христіане являются на первомъ планѣ, упоминаются прежде язычниковъ: „и иже помыслить отъ страны рускія разрушити таку любовь, и *елико ихъ крещенье пріяли суть*, да пріимуть мечь отъ Бога... и *елико ихъ есть не хрещено*, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ

*) Макарій, ист. Христ. въ Россіи до Владиміра, стр. 46—93.

перуна“... И въ другомъ мѣстѣ: „мы же, *елико насъ хрестилися есмы*, кляхomsя церковью святого Ильѣ... *а не крещеная русь* полагають щиты своя и мечѣ свои наги“... Это двукратное упоминаніе о крещенной и некрещенной руси въ такой послѣдовательности въ официальномъ документѣ должно признать весьма знаменательнымъ. „Если сторона негосподствующая, замѣчаетъ проф. Голубинскій, поставлена совершенно наравнѣ съ господствующею, то ясно и необходимо слѣдуетъ, что она имѣла надъ послѣднею нравственный перевѣсъ, ибо получить равенство, при неимѣніи на то права, она очевидно могла только въ случаѣ перевѣса“. Тотъ же авторъ вполне справедливо высказываетъ убѣжденіе, что и самъ великій князь Игорь „долженъ быть отнесенъ къ числу сторонниковъ христіанства или къ числу христіанъ внутреннихъ, такъ какъ будь онъ на сторонѣ язычниковъ, онъ терпѣлъ бы христіанъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не предоставилъ бы имъ преобладанія, ибо иначе его поведеніе было бы совершенною и невозможною безсмыслицей“ (стр. 58—59). Нельзя не пожалѣть, что авторъ, твердо стоящій на сторонѣ видимо отживающей норманской теоріи, видитъ по крайней мѣрѣ въ большинствѣ этихъ христіанъ норманновъ, въ большомъ числѣ служившихъ при великомъ князѣ, а не русскихъ славянъ, исконныхъ насельниковъ края и родственныхъ азовско-черноморскимъ руссамъ. Такое преобладающее положеніе христіанство никакъ не могло принять въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ послѣ заключенія Олегова договора, а потому необходимо заключать, что умолчаніе о немъ въ послѣднемъ объясняется только личнымъ отношеніемъ къ христіанству великаго князя—язычника, нежеланіемъ упоминать въ официальномъ документѣ о представителяхъ официально не признанной въ государствѣ вѣры, а никакъ не отсутствіемъ христіанъ между русскими славянами. Спустя тридцать лѣтъ обстоятельства измѣнились—и русскіе христіане въ точно такомъ же документѣ заняли первенствующее положеніе. За тѣмъ уже совершенно понятна быстрота распространенія у насъ христіанства, крещеніе Ольги, крещеніе Владиміра и всей руси.

Съ христіанствомъ открывается письменность, требующая для развитія и своего содержанія и своего языка весьма долгаго времени. Процессъ приспособленія языка для выраженія содержанія народной жизни совершается не въ одинъ вѣкъ, и должно полагать, что тотъ языкъ, на которомъ явились въ IX в. наши священныя и богослужебныя книги, богатый, стройный и правильный, съ замѣчательно развитымъ синтаксисомъ, имѣлъ свою длинную, предшествовавшую этому его состоянію, исторію. Невольно припоминаются тѣ русскія письмена, которыя нашелъ Кириллъ въ Херсонѣ около 1360 года, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежали русскимъ славянамъ, жившимъ въ Крыму и по сѣверному побережью чернаго моря и находившимся въ общеніи съ приднѣпровскою Русью. Образованіе и начало употребленія этихъ письменъ, безъ сомнѣнія, относится къ далекому прошедшему. Срезневскій еще въ 1869 году доказывалъ, что уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ не соотвѣтствуетъ греческимъ рукописямъ IX—X вѣковъ, а соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ VI—VII вѣковъ, что въ эпоху дѣятельности первоучителей господствовали надстроочные знаки и правильное употребленіе знаковъ препинанія, чего нѣтъ въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ^{*)}. И здѣсь, въ области языка, необходимо напомнить о медленности органическаго развитія. Наши историческія изслѣдованія, обращенныя къ древнѣйшей Руси, кажется, страдаютъ именно недостаткомъ вниманія къ общимъ законамъ развитія народной жизни. Отнеся крещеніе Болгаріи къ половинѣ IX вѣка и крещеніе Руси къ концу X-го, мы не задумывались надъ появившейся вслѣдъ за тѣмъ болгарской литературой и выдающимися произведеніями нашей, а когда задумались и не находили выхода изъ лабиринта, построеннаго давно утвердившимися представленіями о началѣ Руси, по неволѣ должны были признать такой быстрый литературный расцвѣтъ необъяснимымъ и загадочнымъ. Какъ объяснимъ мы себѣ языкъ нашихъ договоровъ первой половины X вѣка? На какомъ языкѣ эти договоры пи-

^{*)} Труды археолог. съѣзда въ Москвѣ. I, CXV. Разыск. 307.

саны? Пытаясь рѣшить еще въ 1852 году вопросъ о языкѣ нашихъ лѣтописныхъ памятниковъ до Владиміра, покойный Срезневскій далъ такой отвѣтъ: „писаны на языкѣ, который русскіе, наши предки, могли назвать своимъ роднымъ, писаны для русскихъ; писали ли сами русскіе, или же варяги, греки, болгаре—все равно, лишь бы писали для русскихъ, по русски, о томъ, что нужно было русскимъ“ *). И теперь, кажется, мы не можемъ дать иного отвѣта по вопросу о языкѣ нашихъ договоровъ. А сколько должно было пройти времени, чтобы могъ образоваться такой языкъ, чтобы оказаться готовымъ средствомъ для выраженія содержанія столь важнаго международнаго акта?

Съ отнесеніемъ начала христіанства и письменности у болгаръ по крайней мѣрѣ къ началу IX вѣка и между русскими славянами по крайней мѣрѣ къ половинѣ тогоже вѣка, мы конечно получаемъ цѣлое столѣтіе для объясненія органической постепенности въ развитіи жизни тѣхъ и другихъ; но и тогда наши хронологическія опредѣленія для объясненія столь сложныхъ и крупныхъ явленій едва ли окажутся достаточно точными, при соображеніи сосѣдства съ христіанской Византіей въ теченіи многихъ предшествовавшихъ вѣковъ. Притомъ извѣстно, что греки, въ политическихъ цѣляхъ, не упустили съ своей стороны случаевъ для привлеченія своихъ злѣйшихъ враговъ къ христіанству и для ослабленія тѣмъ самымъ ихъ враждебнаго настроенія: они спѣшили ознакомить всѣхъ, являвшихся къ нимъ, иноземцевъ не только съ богатствомъ дворца и столицы, но и съ святынею послѣдней, безъ сомнѣнія, съ цѣлями прозелитизма, а не затѣмъ только чтобы „похвастать и произвести на нихъ впечатлѣніе“. „Царь же Леонъ, говоритъ наша первоначальная лѣтопись о послахъ Олега, заключившихъ въ Царьградѣ договоръ съ греками, пристави къ нимъ мужи своя показати имъ церковную красоту, и полаты златыя, и въ нихъ сущая богатства, злато много, и паволоки, и камень драгое, и страсти господни, вѣнецъ и гвоздь и хламиду багряную, и мощи

*) Изв. Ак. Наукъ. III. стр. 65.

святыхъ, *учаще я ко вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру*“.

Если съ юга и югозапада къ намъ проникало христіанство задолго до крещенія Руси, то и на западѣ возможно было его дѣйствіе на насъ со времени великой миссіи славянскихъ апостоловъ. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что въ слѣдъ за Болгаріей, Моравіей и Панноніей, на которыя обращены были подвиги Кирилла и Меѳодія, православное христіанство роспространялось въ Чехіи и Польшѣ.

Въ Чехіи православіе, еще при жизни первоучителей, утвердилось такъ прочно, что, какъ извѣстно, не рѣдко сказывалось и въ слѣдующей ей исторической судьбѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что границы чешскаго королевства еще въ IX вѣкѣ соприкасались съ русскимъ прикарпатскимъ населеніемъ, а въ слѣд. вѣкѣ, при Болеславѣ II, они простирались до Дуная и Карпатскихъ горъ на югѣ, до Стыря и Буга на востокѣ, до Варты и Одры у Вратислава и Глогавы на сѣверѣ, такъ что на востокѣ границы доходили до Ятвяговъ въ Подлясѣ, съ которыми такъ часто воевали наши первые князя, и до владѣній приднѣпровской Руси *). Такимъ образомъ для живыхъ и непосредственныхъ сношеній нашихъ съ Чехами съ первыхъ годовъ нашей государственной жизни не представлялось никакихъ препятствій. Замѣчательно, что древнѣйшіе чешскіе памятники, напр. житіе чешскаго князя Вячеслава, чинъ службы при перенесеніи его мощей изъ Болеславы въ Прагу сохранились только въ русскихъ рукописяхъ; самыя панныскія житія въ ихъ старѣйшемъ видѣ находятся въ русскихъ копіяхъ по рукоп. XII вѣка.

*) Такъ эти границы указаны въ учредительной грамотѣ пражскаго епископства, утвержденной германскимъ императоромъ Оттономъ I и папою Бенедиктомъ II; онѣ буквально повторены въ подтвердительной грамотѣ императора Генриха IV. Palacky, *Dejiny České*. I. 254—255. Jireček, *Slovanske pravo v Čechach a na Moravě*. 119. *Ad orientem hos fluvios habet terminos.: Bug scilicet et Stir cum Cracovia civitate etc.*

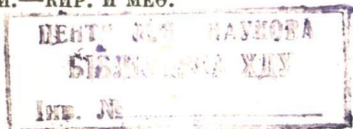
Сохранились несомнѣнные историческія свидѣтельства о дѣйствіи миссіи Кирилла и Меодія и на Польшу. Извѣстно, что краковская область входила тогда въ составъ велико-моравскаго государства. Въ Паннонскомъ житіи Меодія упоминается какой-то князь, „силенъ вельми, *сидя на Висльхъ*“. Онъ ругался надъ христіанами, былъ убѣждаемъ Меодиємъ къ принятію христіанства и въ послѣдствіи дѣйствительно принялъ его, принужденный къ тому, по пророчеству Меодія, силою. Славянское богослуженіе по греческому обряду въ Краковской области продолжалось еще въ XIII вѣкѣ. По словамъ польскаго ученаго Бѣлевскаго, „исторія славянъ въ IX и X вѣкахъ, по мѣрѣ того какъ мы узнаемъ ее точнѣе, убѣждаетъ насъ, что колыбель языка церковнаго (церковно-славянскаго) была преимущественно тамъ, гдѣ находилась также колыбель организованнаго польскаго общества, именно въ великой Моравіи. Возвѣщенное здѣсь Кирилломъ и Меодиємъ ученіе, продолжаетъ тотъ же авторъ, перешло въ послѣдствіи къ хорутанамъ Коцела и къ Борисовымъ болгарамъ; но нива, на которую главнымъ образомъ пали сѣмена ихъ проповѣди и гдѣ они принесли первые плоды, были славяне Ростислава и Святополка, держава которыхъ простиралась до истоковъ Буга и лѣваго берега Вислы. Выработанный между этими славянами первый письменный языкъ, на которомъ роспростраяема была между ними вѣра Христова, сдѣлался образцомъ письменности всѣхъ славянъ, и все, что писалось въ Польшѣ туземцами, какъ въ ту пору, такъ и долгое время потомъ, писалось не иначе какъ только изобрѣтенными Кирилломъ буквами“. Послѣдняя мысль подтверждается авторомъ фактами изъ исторіи польской письменности и оканчивается заключеніемъ, что „кириллица была нѣкогда повсемѣстно употребляема въ Польшѣ и написанныя Меодиємъ и его преемниками церковно-славянскія книги были образцомъ, по которому мы, какъ и прочіе славяне, воздѣлывали нашъ первоначальный письменный языкъ, пока языкъ этотъ около XIV вѣка не былъ вытѣсненъ вліяніемъ чешскаго“. Бѣлевскій даже предполагаетъ, что извѣстная Супрасльская рукопись, найденная близъ Бѣлостока и изданная

Миллошичемъ въ 1851 году, заключающая въ сѣбѣ житія древнихъ святыхъ, переведенныя съ греческаго, поученія греческихъ отцовъ церкви, между прочими и патріарха Фотія, есть одинъ изъ кирилловскихъ памятниковъ, писанныхъ въ Польшѣ въ XI вѣкѣ *).

Если восточное православіе съ его священными книгами и его славянскимъ богослуженіемъ такъ прочно утвердилось въ Чехіи, простиравшейся до Буга и Вислы, и въ Польшѣ во время апостольской дѣятельности Меодія и послѣ, продолжая распространяться по данному однажды направленію, то невозможно допустить, чтобы чисто-русское населеніе, съ древнѣйшаго времени занимавшее предгорья Карпатъ, не испытало непосредственнаго вліянія тойже апостольской дѣятельности первоучителей. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что ими усвоено было тоже восточное православіе съ его книгами и славянскимъ богослуженіемъ, а также и въ томъ, что они же должны были оказаться наилучшими проводниками православія и въ придиѣпровскую русь во время, непосредственно слѣдовавшее за кончиною Меодія, а можетъ быть и при его жизни. Проф. Голубинскій, утверждая обращеніе угорскихъ русскихъ, непосредственныхъ сосѣдей нашей Червонной или Галицкой Руси, въ восточное православіе за сто лѣтъ до насъ, выражаетъ и убѣжденіе, что Владиміръ въ первое время получалъ отъ нихъ священниковъ. „Межь Панноніей и Кіевомъ посредниками были прикарпатскія земли“, говоритъ проф. Кочубинскій, при чемъ даже отрицаетъ всякое участіе Болгаріи въ нашемъ раннемъ просвѣщеніи.

Такое общее движеніе во всемъ славянскомъ мірѣ по обращенію въ христіанство въ эпоху дѣятельности первоучителей не могло не отразиться и на русскихъ славянахъ, особенно если принять во вниманіе, что племенное единство въ то время чувствовалось живѣе, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Припомнимъ слова нашего лѣтописца, высказанныя именно по поводу хри-

*) Предисловіе къ польскому словарю Линде, стр. 10—11. Гильфердингъ, Кирилло-Меодіевской сборникъ. М. 1863 стр. 170 и слѣд.

стіанской проповѣди между славянами: „единъ языкъ словѣнскъ: словѣни, иже сѣдаху по Дунаевѣ, ихъ же пріѣхаша Угри, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая русь... А словѣнскъ языкъ и рускыи одинъ“... И вообще въ начальный періодъ образованія нашего государства, въ кievскій, домонгольскій періодъ, Русь была гораздо болѣе открыта для запада и западъ для Руси, чѣмъ въ послѣдующій московскій періодъ. „Русь домонгольская, говоритъ проф. Голубинскій, вовсе не была тѣмъ, чѣмъ послѣ стала Русь Московская, именно—страной, весьма крѣпко запертой, въ которую весьма трудно попасть, а напротивъ была страной, совершенно открытой и доступной, находившейся съ западомъ въ такомъ же живомъ и тѣсномъ общеніи, какое существуетъ теперь со времени Петра Великаго“ (I. 135. 448). Для доказательства довольно припомнить непрерывныя родственныя связи нашего княжескаго дома съ владѣтельными домами юга и запада, и не одними славянскими: изъ пяти законныхъ женъ Владиміра, упоминаемыхъ лѣтописцемъ, одна была гречанка, двѣ чехини и одна болгарка и, кромѣ первой, военнопленницей, нѣтъ основанія отрицать высокаго ихъ происхожденія (тамже стр. 131); одинъ изъ сыновей Владиміра, Святополкъ, былъ женатъ на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, Ярославъ—на дочери шведскаго короля, Изяславъ—на сестрѣ короля польскаго Казиміра, а самъ Казиміръ—на дочери Ярослава, другая дочь была замужемъ за знаменитымъ Гарольдомъ, сыномъ Олава святаго, третья за французскимъ королемъ Генрихомъ I, четвертая за венгерскимъ королемъ Андреемъ I; дочь Всеволода Ярославича была сначала за нѣмецкимъ маркграфомъ, а потомъ за германскимъ императоромъ Генрихомъ IV, отъ котораго бѣжала къ знаменитой маркграфинѣ Тосканской Матильдѣ, дочь Святополка II была за польскимъ королемъ Болеславомъ Кривоустымъ, дочь Мономаха за венгерскимъ королемъ Коломаномъ и т. д. Этими связями, а равно и непрерывными сношеніями съ западомъ, мирными и враждебными, легко объясняются и частыя посольства съ запада къ Кіевскимъ князьямъ особенно съ цѣлю привлеченія ихъ къ латинской церкви и наши на западъ. Припомнимъ рус-

скихъ пословъ при дворѣ Оттона I, миссіи Адалберта, Рейнберна, Бруно. Въ Кіевѣ жило весьма много пришельцевъ съ запада латинской вѣры, поселявшихся тамъ съ разными цѣлями—служилыхъ людей, торговцевъ, ремесленниковъ, колонистовъ. Въ Словѣ о латинахъ, приписываемомъ Θεодосію печерскому, замѣчено: „исполнися и наша земля злыя тоя вѣры людей“.

При такомъ живомъ и непрерывномъ общеніи нашемъ съ западомъ и особенно съ западными соплеменниками, ведущемъ свое начало, безъ сомнѣнія, отъ весьма давняго времени, при томъ живомъ еще сознаніи племеннаго единства, невозможно допустить, чтобы мы оставались чуждыми, сторонними великой миссіи славянскихъ первоучителей, „необходимо наоборотъ признать, скажемъ словами Гильфердинга, что русскій славянинъ, вмѣстѣ съ славяниномъ македонскимъ и болгарскимъ, вмѣстѣ съ моравцемъ, чехомъ и полякомъ были призваны къ христіанскому просвѣщенію Кирилломъ и Меѳодіемъ“, необходимо заключать, что мы были непосредственными участниками подвиговъ Кирилла и Меѳодія въ самое время ихъ совершенія, что мы непосредственно приобщились къ великому движенію, совершавшемуся во всемъ славянскомъ мірѣ въ половинѣ IX вѣка. Волна этого великаго движенія проникала къ намъ и охватывала насъ съ трехъ сторонъ — юга, югозапада и запада, отъ черноморскихъ руссовъ, болгаръ и западныхъ славянъ. Такимъ образомъ при самомъ зарожденіи государственной жизни славянскаго племени нашимъ первоучителямъ суждено было насѣять сѣмена христіанскаго просвѣщенія по всѣмъ славянскимъ странамъ и явиться какъ бы предопредѣленными свыше предвѣстниками ихъ будущаго духовнаго общенія и единенія: „такъ точно въ иныхъ легендахъ мы читаемъ, младенца озаряетъ символическое пророческое видѣніе того, чѣмъ онъ долженъ быть въ возрастѣ зрѣлаго мужа“ (Кирилло-Меѳод. сборникъ стр. 170).

Въ этомъ заключается великое современное значеніе подвига святыхъ братьевъ, и я позволю себѣ заключить свое чтеніе пожеланіемъ, чтобы послѣдующее теченіе исто-

рической жизни всего славянства совершалось въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ значеніемъ, пожеланіемъ, чтобы возвѣщенное ими святое слово, явившееся на языкѣ стройномъ и величественномъ, „всіяло словѣнску языку въ неразуміи, въ мрацѣ грѣховнѣ сущу“, чтобы оно ниспослало намъ ту „богоразумную тучу, которая напаяла бы боготочною росю изгорѣвшая грѣховною сухотою сердца наши“ *).

*) Похвала св. Кириллу по еп. XV в. Кирилло-Меѳод. сборникъ стр. 317.

Н. Лавровскій.

ОПЕЧАТКИ.

Стр. строка		напечатано:	должно быть:
1	1	снизу	роспространенію
11	9	снизу	42
13	10	сверху	1360

